

2. Барсова гора: 110 лет археологических исследований // Под ред А.Я. Труфанова и П.Ю. Чемякина. – Сургут. МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. – 224 с., 133 илл.
3. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
4. Викторова В.Д. Ликийский могильник // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1973. – Вып. 12. – С. 133-168.
5. Вострокнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI-XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2016. – 336 с: с илл.
6. Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. – Пермь: ПГПУ, 2001.– 260 с.
7. Крыласова Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья: дис доктора ист., наук. – СПб, 2008. – 530 с.
8. Моряхина К.В. Украшения рук населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Магистерская дис. – Пермь, 2015. – 176 с.
9. Оборин В.А. Этнокультурные связи населения Верхнего Прикамья с племенами Западной Сибири в IX-XV вв. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. – Уфа, 1976. – С. 20-21.
10. Подосёнова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2009. – 212 с.
11. Словарь «География России». Главный редактор А.П. Горкин. [Электронный ресурс] URL: http://russian_geography.academic.ru/2428 (дата обращения 30.10.17).
12. Фёдорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X-XV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III/ Под ред. А.М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2003. – С. 138-153.

ОБРАЗ ЯЩЕРА В ПЕРМСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Е.А. Подшивалова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Научный руководитель – к.и.н., профессор Е.М. Черных

Размышления о жизни, которая развернется после смерти – одна из самых больших страниц человеческой культуры. Практически все легенды, предания и поверья народов, проживающих на разных географических территориях и в разных исторических периодах, отводят немаловажную роль хтоническим образам, которые связаны с миром, существовавшим

до рождения, и миром, ждущим человека после смерти. Интересно отметить, что согласно этим мифам, человек испытывал не только страх перед хтоническими образами, но и некое уважение, преклонение перед ними [Калинина, 2016, с. 55-56].

Подобные мысли отражает и такое явление культуры, как звериный стиль, в частности Пермский звериный стиль. Пермский звериный стиль – это набор определенных, часто случайно найденных предметов, явно свидетельствующих о культовом поклонении высшим силам. Чаще всего это бляхи, литые пластины, различные украшения. Структура практически всех предметов Пермского звериного стиля трехчастна, она включает в себя верхний мир, нижний мир и мир земной (средний). В мифологии нижний мир содержит в себе такие хтонические образы, как змея, ящер, черепаха и др. В Пермском зверином стиле традиционный набор хтонических образов заменяет ящер, который совмещает в себе черты сразу нескольких хтонических образов. Отсюда вытекает первая задача в изучении данного образа – выявление отличительных черт, которые присущи непосредственно ящеру Пермского звериного стиля, так как похожего образа на предметах, принадлежащих к другим разновидностям Звериного стиля, не наблюдается.

Первым в историографию Пермского звериного стиля термин «ящер» ввел Ф.А. Теплоухов. Исследователь назвал животное непонятного облика ящером, с тех пор в мире науки возникла традиция давать имя «ящер» всем животным, встречающимся внизу композиции (похожим на змею, свинью, рыбу и т. д.). Ученый характеризует ящера как «существо, могущее жить и двигаться одинаково удобно как в воде, так и на суше» [Теплоухов, 1893, с. 10].

Найти истинную семантическую трактовку образа пермского ящера, как и трактовку остальных образов, непреодолимо сложно, так как до сих пор мнения о предназначении Пермского звериного стиля расходятся. Это обстоятельство создает главную проблематику данного исследования. Однако можно создать непротиворечивую классификацию образа, которая в дальнейшем поможет определить его генезис.

Ящер – один из наиболее часто встречающихся хтонических образов Пермского звериного стиля, который привлекает внимание не только тем, что является по сути «главным героем» нижнего мира, но и тем, что представляет собой сложный, составной и не разгаданный образ. Ящер хранит и совмещает в себе черты других животных мира смерти. Эту черту верно отметил Теплоухов: «Тело этого чудовища, как и форма его головы, делает его похожим на рыбу, но глаза и ноздри похожи скорее на звериные. Кро-

ме того, нижняя челюсть длиннее верхней и ей придана форма загнутого вверх рога. Другой такой рог помещен на затылке. Ноги короткие, в виде человеческих рук, а хвост подобен рыбьему, поставлен вертикально» [Теплоухов, 1893, с. 10].

Отличительной чертой образа является и то, что ящер практически везде изображен с открытой пастью. Пасть и зубы имеют свою семантическую основу. В индийском фольклоре есть сказка, в которой говорится, что вход и выход в царство идет через пасть животных. Эта пасть все время закрывается и раскрывается [Калинина, 2016, с. 94]. Получается, что ящер с открытой пастью – это своеобразный вход в царство мертвых. Из этого следует, что в сознании создателей Пермского звериного стиля переход из одного уровня жизни в другой отнюдь не мыслился невозможным и осуществлялся через тотем. Челюсть ящера упоминает Е.И. Оятева, когда описывает ящера классического типа – наиболее часто встречающегося ящера: «Голова у ящера вытянутая, верхняя челюсть на конце загибается вверх, нижняя же длиннее, с косыми насечками по внутреннему краю» [Оятева, 2001, с. 127].

Если обратиться к историографии образа ящера, можно заметить, что его неоднократно характеризовали как животное водной природы (Ф.А. Теплоухов, А.А. Спицын, В.В. Чарнолуцкий). Так, А.А. Спицын назвал ящера «хозяином моря» [Спицын, 1906, с. 33]. Аргументирует он это визуальным сходством ящера с рыбами и другими обитателями моря, также говорит о нанесенных на ящера символах рыб [Спицын, 1906, с. 35]. Связь ящера с водой тоже можно рассматривать как отличительную черту его образа. Отсюда, вероятно, производна связь образа с мировым океаном, берущая свои истоки из космологических и эсхатологических мифов.

Говоря об особенностях образа ящера, нельзя не отметить дуальность его образа. Так, двойственной трактовки образа придерживался Д.Н. Анучин: «Зверь этот изображался или в виде отдельных фигур, или в подножии антропоморфных и зверовидных фигур – «образков», как бы заменяя собою Землю... Тем не менее ящер представлялся способным к передвижению на себе других, более или менее антропоморфных существ» [Анучин, 1899, с. 80-81].

Литература

1. Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1899. – 76 с.
2. Калинина И.В. Миф и духовность. К истокам человеческой культуры – СПб.: Политехнический университет, 2016. – 94 с.

3. Оятева Е.И. Нырғындинская пластина // Археологический сборник государственного Эрмитажа. – Вып.36. – СПб., 2003. – С. 125-133.
4. Спицын А.А. Шаманские изображения ЗОРСАО. – СПб., 1906. – 145 с.
5. Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. – Пермь, 1893. – 304 с.

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ПРОЧНОСТИ КАРКАСА КРОВЛИ ЖИЛИЩ РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.В. Половников

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – д.и.н. профессор Н.Б. Крыласова

Методика – это некий готовый «рецепт», алгоритм, процедура для проведения каких-либо нацеленных действий. Однако она нигде не появляется в готовом виде – она вырабатывается в процессе, в деятельности, совершенствуется путем проб и ошибок [Берлина, 2013, с. 10]. Благодаря сформировавшейся методике можно попытаться реконструировать внешний облик жилища, его размеры, расположение объектов интерьера, их функциональное и практическое назначение.

К сожалению, определенной универсальной методики по реконструкции и расчету кровли жилищ родановской культуры до сих пор не выработано. Дело в том, что источник доходит до нас в разном виде информативности. Природные условия (строительные ресурсы и консервирующая способность почв), многообразные по строению и площади жилища, традиции зодчества определяют неодинаковую сохранность и информативность археологизированных жилищ и разные методы и особенности реконструкции построек [Берлина, 2013, с. 10].

Группа западносибирских ученых предприняла удачную попытку подобных расчетов для жилищ саргатской культуры [Берлина, 2009, с. 44-56; Матвеева и др. ... с. 100-120]. Воспользуемся их методом, подставив необходимые для нас значения. В данном методе следует учитывать материал, из которого была сооружена основа крыши, и материал, который использовался в качестве утеплителя. Для данных расчетов применим метод, используемый в архитектурном проектировании. Учитываются две группы предельных состояний: первая – по несущей способности, ограниченной некоторыми возможностями (дерева), вторая – по непригодности к нормальной эксплуатации.